

РУБЕЖИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Д.Э. Гаспарян

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12571

«IGNORAMUS ET IGNORABIMUS»*? ЕСТЬ ЛИ У СОВРЕМЕННОГО АНТИФИЗИКАЛИЗМА ПОЗИТИВНАЯ ПРОГРАММА?

Аннотация. Целью настоящего исследования является обнаружение позитивной программы современного антифизикализма, а именно анализ антифизикалистских вариантов решения психофизической проблемы в современной аналитической философии сознания. На примере подходов таких современных аналитических философов как К. Макгинн, Дж. Левин, Н. Хомский, Т. Нагель, а также Д. Чалмерс рассматривается каково соотношение критических и позитивных компонентов в современных антифизикалистских подходах, а также выясняется роль скептической позиции в их теориях. Методологией исследования является историко-дескриптивный метод, а также метод компаративистики, который в данном исследовании предполагает сравнение физикалистских и антифизикалистских подходов к изучению проблем сознания. Информационной базой настоящего исследования являются современные англо-американские антифизикалистские программы изучения сознания, такие как субстанциальный и разновидности субстанциального дуализма, дуализм свойств или натуралистический дуализм, эпистемический скептицизм, интеракционизм, квалитатизм и некоторые др. Выводы исследования состоят в следующих положениях: несмотря на то, что антифизикализм предьявляет сегодня физикализму очень серьезную критику, позиции последнего еще достаточно сильны. Изменится ли эта ситуация, напрямую зависит от того, насколько убедительной окажется позитивная программа антифизикалистов. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть полезны для понимания ряда влиятельных современных контекстов, посвященных физикалистским и антифизикалистским программам современной аналитической философии сознания. Новизна и оригинальность работы заключается в осмыслении антифизикалистских программ в контексте современной англо-американской философии сознания, критическом разборе главных мыслительных ходов и ключевых аргументов современного англо-американского антифизикализма и презентации многих непереведенных на русский язык работ современных англо-американских философов сознания, вышедших в свет за последние годы.

Ключевые слова: проблема сознание-тело, скептицизм, антифизикализм, физикализм, когнитивная замкнутость, провал в объяснении, тайны и проблемы, мистицизм, философия сознания, квалитатизм.

К скептицизму в философии всегда относились скептически — в случаях, когда он был следствием своего рода интеллектуального кокетства, его рассматривали как позёрство, а в случаях, когда он заявлял о себе вполне серьезно, его считали формой малодушной

капитуляции. Как бы то ни было, философу всегда существенно сложнее, чем учёному признаться в том, что он не знает, как решать ту или иную проблему. Это связано с традиционными различиями в методах научного и философского исследования — если наука ориентирована на поиск решений во

* Лат. «Не знаем и не узнаем». Выражение стало крылатым после упоминания в знаменитом докладе Эмиля Дюбуа-Реймона «О пределах познания природы» (Emil du Bois-Reymond: *Über die Grenzen des Naturerkennens*, 1872, в книге: Emil du Bois-Reymond: *Vorträge über Philosophie und Gesellschaft*, Hamburg, Meiner, 1974). Его смысл состоит в трансценденталистском ограничении, а именно идея того, что человеческое познание не сможет переступить пределов собственных познавательных способностей.

Данное научное исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ-ВШЭ» в 2014 г., проект № 14-09-0222.

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12571

1257

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

времени, выдвижение и отбрасывание гипотез, то философия надеется обрести универсальное решение, которое будучи вечной истиной, было бы неподвластно времени. Впрочем, такое представление о философских способах достижения истины всерьёз пересматривается в современной, в особенности, аналитической философии, и в наши дни философы все чаще заявляют о том, что и в философских рефлексиях завтрашний день может оказаться эффективнее сегодняшнего. Но, несмотря на проникновение в философию ожиданий, свойственных науке, возможность занять скептическую позицию все равно сопровождается у философов серьёзным дискомфортом.

Это связано также с тем, что скептические версии оставляют нас наедине с нашими догадками, и скорее отговаривают от дальнейшего поиска. В свое оправдание скептики часто заявляют, что не просто бойкотируют исследование, но помогают понять и осознать, почему окончательное решение той или иной проблемы оказывается принципиально недостижимым. Главный упрек, выдвигаемый в адрес скептиков, традиционно состоит в их беспомощности и непродуктивности, но у скептицизма имеется и позитивная часть — он даёт определенную ясность, указывая нам истинные причины тех затруднений, с которыми сталкиваются философские теории.

Подобная ситуация имеет прямое отношение к проблеме «сознание-тело», к поиску решения которой большинство современных аналитических философов относится вполне оптимистично. Вместе с тем, надо признать, что на сегодняшний день так и не найдено общеудовлетворительного решения проблемы «сознания-тела». Это обстоятельство позволяет разделить современных аналитических философов на два лагеря — оптимистов, которых большинство и пессимистов, которых заметно меньше. В общем и целом пессимистически настроенные философы полагают, что отсутствие устраивающего всех решения неслучайно, т.к. в самой постановке вопроса о соотношении сознания и тела содержится принципиальная, системная ошибка. Некоторые из этих философов указывают на то, что ставить вопрос о том, как ментальные и физические состояния соотносятся друг с другом, с самого начала является контрпродуктивной задачей. Гораздо более продуктивным будет констатировать, что реальность может описываться разными способами: например, в рамках ментального или физического словарей. В свою очередь, проблемы, не имеющие решения, по-

являются тогда, когда пытаются описать один словарь в терминах другого, а именно это происходит, когда ментальные состояния ищутся в мозге¹. Другие мыслители полагают, что хотя психофизическая проблема сформулирована вполне корректно, она в принципе не может иметь решения². Такие философы наиболее близки скептической позиции, о которой я еще скажу подробнее.

Но прежде, попробуем понять, почему скепсис в отношении проблемы «сознание-тело» так плохо переносится современной философией. Важность этой проблемы состоит в том, что она поднимает множество иных проблем, таких как природа смерти и возможность бессмертия, свобода воли личности, природа Я или самости, природа эмоций, восприятия и памяти. В первую очередь, именно от того, как будет решён вопрос о связи сознания и тела зависит то, какое получают решение проблемы свободы воли человека или конечности/бесконечности человеческого существования. Например, если мы встанем на позиции натуралистического монизма, которые считают, что сознание является частью физической реальности, то активность субъекта предстанет целиком детерминированной. Если в соответствии с этой теорией мир и сознание как его часть полностью подчиняются законам естественных наук, то ментальная активность субъекта, в том числе его воля, является, в конечном счете, физическим состоянием, подчиненным естественнонаучным законам. В таком случае поведение человека напрямую определено законами физики, которые в свою очередь определяются детерминистически. Следовательно, нам придется искать нестандартные пути сохранения свободы воли человека или же попросту объявить его несвободным. С другой стороны, если мы согласимся со взглядами дуалистов, то свободу воли личности можно будет сохранить, но получив новый блок проблем в виде проблема каузации, т.е. влияния ментального и физического друг на друга.

Проблема «сознания-тела» также имеет важные следствия для понятия «Я». Если под «самостью» или «Я» понимается нечто сущностное, не-

¹ См.: Гаспарян Д.Э. Психофизическая проблема как раздел современной философии сознания // Молодой ученый. 2009. № 12. С. 199-205.

² См.: Rosenthal, D. (2002). 'Explaining Consciousness', in D. Chalmers (ed.), *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings* (Oxford: Oxford University Press), 406-421.

отделимое от субъекта, то многие современные философы будут утверждать, что «Я» есть некая фикция. Идея автономии Я как неотчуждаемой уникальной сущности берет свое начало в христианской идее бессмертия души. Поскольку большинство современных аналитических философов, изучающих сознание является физикалистами, эта идея неприемлема для них. Однако чаще встречается позиция, согласно которой мы должны переформулировать понятие самости, отказавшись от представления о её единстве и тождественности. Скорее, самость представляет собой нечто постоянно трансформируемое и текучее, а также искусственно сконструированное нашим языком и культурными стереотипами.

Как видно, проблема «сознания-тела» как снежный ком обрастает другими не менее важными проблемами и потому скепсис, проявленный в отношении родовой проблемы, будет означать капитуляцию в попытках получить ответы и на другие фундаментальные вопросы. Если проблема «сознание-тело» по тем или иным причинам не может иметь позитивного решения, то означает ли это, что мы также не сможем ответить на вопрос, свободен ли субъект или полностью детерминирован, конечен ли его ментальный опыт, завершается ли он вместе со смертью тела и т.д.?

Чтобы ответить на этот вопрос и прояснить ситуацию нам нужно попытаться понять, что представляет собой скептическая позиция в отношении проблемы «сознание-тело». Этот вопрос важен потому, что он напрямую связан с эпистемологическим статусом антифизикалистских программ в современной философии сознания. А именно одним из самых болезненных вопросов «есть ли у современного антифизикализма позитивная программа?». В какой мере антифизикализм может противостоять физикализму и не обстоит ли дело так, что физикализм, несмотря на свои погрешности все же находится в более выигрышном положении, т.к. он предлагает пусть не безупречные, но ответы, в то время как антифизикализм не предлагает ничего кроме критики существующих теорий?

На сегодняшний день критика физикализма представлена двумя главными направлениями — собственно, скептической, представленной теориями таких авторов как К. Макгинн, Н. Хомский и Дж. Леви и условно позитивной, а именно натуралистическим дуализмом Д. Чалмерса. Вначале я рассмотрю те теории, которые можно посчитать скептическими, т.е. теории Макгинна, Хомского и Леви, а затем я охарактеризую позицию натура-

листического дуализма с точки зрения того, так ли она позитивна. Целью этого экскурса является попытка выяснить, есть ли у антифизикализма позитивная программа.

Наиболее близкой к скептицизму представляется теория когнитивной замкнутости, разработанная Колином Макгинном. Эта теория напрямую перекликается с философией Канта, у которого можно найти критические соображения по вопросу о перспективах решения психофизической проблемы (восходящей к картезианской постановке проблемы, как сознание соотносится с телом). Согласно Канту, сама психофизическая проблема поставлена на ошибочном (догматическом) языке и потому любые варианты ее решения окажутся тупиковыми. В кантовской терминологии речь идет о том, что решение психофизической проблемы лежит по ту сторону всякого возможного опыта, а это надо понимать так, что достигнуто оно быть не может. Познающий субъект мыслит по эту сторону возможного опыта и никак не может покинуть его актуальную почву. Но что значит «лежит по ту сторону всякого возможного опыта?». Это положение вполне перекликается с тем, что подразумевает Макгинн в своем понятии «когнитивной замкнутости». Под этим понятием Макгинн подразумевает следующую идею. «Тип мышления М когнитивно замкнут по отношению к свойству Р (или теории Т), если и только если процедуры формирования понятий в рамках мышления М не могут быть распространены за его собственные пределы и освоить некое Р (или понять теорию Т). Сознания могут быть разных типов и при этом они оснащены различными мощностями и ограничениями, предубеждениями и слепыми пятнами, так что определенные свойства (или теории) могут быть доступны одним сознаниям, но закрыты для других. То, что закрыто для сознания крысы, может быть открыто для ума обезьяны, и то, что открыто для нас, может быть закрыто для обезьяны. Сила представления не устроена по принципу «все или ничего». Представительская власть-это не «все или ничего». Сознание есть такой же биологический продукт как организмы и также как организмы или органы сознания могут быть различных форм и размеров и, соответственно, более или менее, подходящими и релевантными для решения определенных когнитивных задач»³.

³ Пер. по: McGinn C. *Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World*. N.Y., 1999.

Как видно, Макгинн толкует ограничения познания в довольно натуралистическом ключе — речь идет о том, что у человека есть некие биологические параметры (строение мозга или органов чувственности), которые выступают его системными ограничениями. В силу этого обстоятельства, несмотря на то, что соотношение тела и сознания действительно является серьезной и реальной (не надуманной) проблемой, мы принципиально не способны дать на неё удовлетворительный ответ. Вопрос о природе сознания попросту лежит за пределами наших когнитивных способностей, поскольку каждый биологический вид имеет определённые ограничения. Например, собаки не в состоянии доказать теорему Пифагора, а люди не в состоянии создать теорию, объясняющую, как сознание связано с телом. С той же идеей, хоть и истолкованной не в таком натуралистическом смысле, мы встречаемся в трансцендентальной философии Канта. Все что мы можем знать связано с тем, что дано нам в опыте, который образован посредством нашего действительного участия. Мы не получаем данные о мире в качестве нейтрального материала, но обрабатываем внешнюю информацию (чувственно и концептуально) и лишь затем приступаем к ней в качестве предмета нашего знания. При этом в трансцендентальной философии Канта не уточняется, обязаны ли мы особенностями нашего познавательного аппарата — строению физического субстрата. В свою очередь, Макгинн не подразумевает субъектцентристской модели мира — речи не идёт о том, что мир, как он нам дан, сформирован посредством априорных структур трансцендентального аппарата субъекта. Иными словами, возможно, было бы поспешным считать позицию Макгинна по умолчанию трансценденталистской. Однако как бы то ни было из такой модели нетрудно получить тезис об ограниченности наших познавательных способностей, по крайней мере, на том участке, которые имеет отношение к устройству самого нашего познания. Для того, чтобы выяснить, как устроен наш аппарат, мы должны были бы превысить тот порядок вещей, который дан нам в опыте, что невозможно. Это ограничение носит объективный характер, поскольку мы можем познать лишь то, чем не являемся сами. В свою очередь, так как наше сознание есть то единственное, с помощью чего мы пытаемся понять свое же собственное сознание, эта задача вряд ли когда-нибудь окажется реализованной. В связи с подобным рода скепсисом теорию Макгинна принято назы-

вать в аналитической философии сознания мистериальной⁴. С точностью и адекватностью этого термина можно было бы поспорить, т.к. в скептицизме, строго говоря, нет ничего мистического — если скептик аргументирует в какой связи нет и не может быть получено ответа на определенный вопрос его позиция будет выглядеть скорее реалистической, чем мистической. Напротив, попытки иметь позитивное знание по поводу тех областей, которые в силу некоторых системных ограничений, не могут стать предметом исследовательской процедуры, часто выглядят как мистицизм. Впрочем, удачность термина носит здесь сугубо второстепенную роль и нам интереснее скорее само отношение к перспективе решения проблемы «сознания-тела», который у Макгинна и его сторонников является скорее пессимистической.

Еще одним философом-скептиком, который, пожалуй, не скрывает своей пессимистической в отношении перспективы решения проблемы «сознание-тело» позиции, является Ноам Хомский. Хомский предлагает поделить все задачи, за решение которых когда-либо брался человеческий рассудок, на загадки (тайны) и проблемы. Проблемы могут иметь решение, а загадки — нет. Все дело в том, что проблемы изначально составлены так, что представляют собой переформулированные и скрытые решения — задача исследователя состоит только в том, что расшифровать заложенный в вопросах ответ. Подобное положение не нужно расценивать так, что все задачи, которые может решить человеческий рассудок, являются скрытыми тавтологиями. Большая часть задач и решений лежат в области экспериментального знания, а львиная доля теорий, которые человечество создает, являются частью эмпирической науки, а именно естествознания. Однако когда мы говорим, что в случае проблем исследователю достаточно лишь расшифровать уже заложенный в вопросе ответ, то речь идёт о том, что даже научные проблемы ставятся при участии интерпретаций и ожиданий, привносимых ученым. При этом тот материал, с которым ученый имеет дело, таков, что он релевантен аппарату и инструментам познавательных процедур. Согласно, Хомскому необходимо различать допустимые и недопустимые гипотезы. Человеческий разум — это система свойств, образованная определенными полномочиями и ограничениями. Соот-

⁴ См.: McGinn C. *Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World*. N.Y., 1999.

ветственно, допустимые гипотезы это те гипотезы, которые доступны для определенной специфической системы, в данном случае системы человеческого разума. В отношении этих гипотез разум может построить достаточно богатые и сложные объяснительные теории. Но те же самые свойства разума, которые позволяют успешно выдвигать и проверять успешные гипотезы могут исключать работу с другими недоступными гипотезами, как иррелевантными человеческому разуму. Некоторых теорий может попросту не быть среди тех, которые определяются специфическими свойствами человеческого разума, притом, что они могут быть доступными по-другому организованному интеллекту⁵. Вопреки натуралистической установке, согласно которой сознание человека является частью природного мира, и, следовательно, имеет потенциал к решению любых естественнонаучных проблем, имеются некоторые рамки и ограничения, которые определяются особой структурой самого сознания. Хомский прибегает к примерам, с которыми мы уже встречались у Макгинна: для крысы некоторые вопросы являются тайнами, которые выходят за пределы ее познавательной деятельности и потому она не может их решить. Подобная ситуация имеет место и в отношении человека. Те усилия, которые возлагаются на развитие «естественных наук», а именно обнаружение свойств человеческого сознания как аспектов природного мира могут никогда не увенчаться успехом, т.к. область сознания, а именно его связи с телом может оказаться как раз той областью, куда человеческий разум никогда не сможет проникнуть в силу системных ограничений.

Еще один вариант демонстрации трудностей получения позитивной теории сознания является подход Джозефа Левина. В первом приближении его критика направлена против физикализма и лишь во вторую ставит под вопрос перспективу получения адекватной теории сознания вообще. Физикализм проваливается потому, что должен не просто снабжать нас физическим описанием ментальных состояний и свойств, он должен давать объяснение этих свойств. Однако проблемы с тем, что такое «объяснение» могут возникнуть не только в рамках физикализма, но и любой другой теории, стремящейся дать непротиворечивое ре-

шение проблемы «сознания-тела». Левин приводит следующий пример: как можно объяснить, например, факт, что Цицерон тождествен Туллию? Можно объяснить лишь, что один и тот же объект носит два имени. Левин же указывает, что в данном случае объяснение должно вовлекать дедуктивное отношение между экспланансом и экспланандом. Некто может объяснить Р, если он способен дедуцировать Р из утверждений об экспланансе. Пример такого объяснения — это объяснение феномена кипения воды, где появление пузырьков может быть объяснено ссылкой на межмолекулярное взаимодействие элементов воды. Если два высказывания дедуктивно связаны друг с другом, то между ними имеется необходимая связь. Однако такой необходимой связи нет между высказываниями о мозге и феноменальном сознании. Между ментальными фактами и физическими неизбежно сохраняется некий провал в объяснении. «Провал в объяснении это термин, обозначающий трудность физикалистских теорий сознания в объяснении того, как физические свойства порождают способ ощущения вещей, в момент их восприятия. К примеру, утверждение «Боль есть стимуляция С-волокон» является информативным в физиологическом смысле, но никак не помогает нам понять как переживается боль. Чтобы привести пример явления, в котором нет объяснительного провала, представим современный компьютер: есть что-то чудесное в том, что мы можем полностью объяснить его работу из одного устройства его составных частей и наоборот. Напротив, субъективный сознательный опыт образует отдельный эффект, требующий отдельной причины, которую приходится помещать или вне физического мира или объявлять неизвестным физическим явлением»⁶.

Трудности физикализма, связанные с отсутствием необходимой логической связи между физическим и ментальным являются, по сути, традиционным возражением различного рода антифизикалистских подходов. Однако понятие провала в объяснении кажется более широким и проблематическим, чем только критическим указанием на нестыковки физикализма. Оно в целом указывает на то, что у нас нет единого аппарата описания и формализации для обеих групп фактов — физикалистских и ментальных, а это все-таки осложняет поиск любой удовлетворительной

⁵ См.: Chomsky, N. (1975). *Reflections on Language*, NY Pantheon., Chomsky, N. (2000). *New Horizons in the Study of Language and Mind*. Cambridge, 2000.

⁶ Пер. по: Levine, J. 1983. *Materialism and qualia: the explanatory gap*. N.Y., 1999.

теории сознания, даже если она не настроена на физикалистские решения. Таким образом, проблема провала объяснения также может быть истолкована в скептическом ключе.

В общем виде обозначенные выше проблемы имеют вид метаязыкового парадокса — мы пытаемся сделать объектом то, что должно являться также и инструментом и в этом случае процедура объективации не может быть выполнена. Это во многом связано с тем, что мы пытаемся получить доступ к сознанию при помощи тех же логических модулей, которые являются неотъемлемой частью фундаментальных свойств самого сознания. В этом случае, впрочем, не ясно, что может выступить своего рода мета-модулем, позволяющим провести непротиворечивую процедуру описания. Более того, сознание само по себе появляется только при условии работы самих этих модулей. Но в этом случае сознание нельзя определить в терминах определяемого и определяющего, объясняемого и объясняющего, т.к. оно может или всегда оставаться только объясняемым или совпадать и с тем и с другим, что обесмысливает всю процедуру объяснения в целом.

Надо отметить, что некоторые другие философы антифизикалисты, такие например, как Томас Нагель или Дэвид Чалмерс полагают, что скепсис Макгинна, Левина или Хомского избыточно радикален. Так, согласно Нагелю проблема заключается не в ограниченности наших познавательных ресурсов, а в том, что сознание не подлежит научному изучению, т.к. она не объективируемо. Научное исследование возможно лишь в условиях объективной картины действительности, исключая субъективные «точки зрения». Однако поскольку объективность сознания состоит в том, чтобы быть субъективным, т.е. сущность сознания — субъективный опыт субъекта, оно (сознание) неизбежно ускользает из поля зрения ученых. Неудача будет связана с тем, что знание всех физических фактов, составляющих суть ментальных состояний чьего-либо сознания (например, летучей мыши), еще не позволит нам пережить опыт существа, ориентирующегося в пространстве при помощи эхолокации, как свой собственный опыт, в то время как именно этот опыт и является объектом изучения. Если опыт («каково это?») и есть тот объект, к изучению которого мы стремимся, то нам нужно получить именно его, а не то, что делает его возможным. При этом мы не можем подменять его той нейрофизической корреляцией,

которая сопутствует этому опыту. Нельзя не считаться с *эпистемической асимметрией* двух этих точек зрения — одно дело непосредственно испытывать вкус апельсина, совсем другое — слушать рассказ о том, каков апельсин на вкус. Несмотря на то, что сам Нагель не готов занимать позицию методологического скептика и воздерживается от того, чтобы утверждать принципиальную нерешаемость проблемы «сознания-тела», в его позиции можно увидеть серьезный пессимистический подтекст. По крайней мере, если согласиться с тем, что субъективный опыт будет систематически ускользать из теорий, призванных объяснить связь ментальных фактов с физическими фактами, то перспективы создания удовлетворительной теории всерьез усложняются.

На этом фоне наиболее оптимистической представляется теория натуралистического дуализма, разработанная Д. Чалмерсом. Однако насколько позитивны ее установки? Может ли она похвастаться готовым решением? Напомним, что натуралистический дуализм является позицией, согласно которой сознание супервентно на физическом субстрате в силу неких контингентных психофизических законов природы, которые сами по себе не подразумеваются физическими законами. Психофизические законы природы отвечают за корреляцию физических и феноменальных фактов, а именно за отношение супервентности, лежащее в основе структурной упорядоченности Вселенной. Эти законы случайны (логически не необходимы), т.к. нет никакого принципа, устанавливающего жесткое следование между набором физических фактов и феноменальных. В силу аргументов от представимости мы можем вообразить себе мир, в котором вовсе не было бы психофизических законов или же они были бы иными. Поскольку мир зомби вполне возможен, то наличие в нашем мире корреляции между физическим и феноменальным является сугубо контингентным. Такая картина позволяет говорить о естественной, но не логической супервентности сознательного на физическом. Несмотря на контингентность, психофизические законы являются фундаментальными законами Вселенной. Их онтологический статус ничем не отличается от фундаментальных физических законов, они также отвечают за устройство и вид Вселенной⁷.

⁷ См.: Chalmers, D. (1997). Facing up to the Problem of Consciousness // Explaining Consciousness The «Hard Problem».

Нетрудно заметить, что натуралистический дуализм не чужд естественнонаучным способам обоснования — во-первых, он выдвигает гипотезы, а во-вторых, надеется найти ответы на поставленные сегодня вопросы в будущем.

Возможно, именно последнее обстоятельство можно рассмотреть как главный недостаток натуралистического дуализма. При определенной степени нетерпеливости и склонности к классическому для философии логическому (неэмпирическому) стилю обоснования, натуралистический дуализм можно упрекнуть в том, что слишком много решений в нем откладывается на потом. Строго говоря, и основной вопрос «как именно сознание связано с телом?» в нем пока не получает ясного и конкретного ответа. О ряде недостатков, которые ему сопутствуют, сторонники этого подхода зачастую высказываются так, что наука будущего, пересмотрев свои ключевые положения или выработав новые, сможет эти недостатки устранить. Таким образом, остается лишь передавать эстафету дальнейшим поколениям исследователей в надежде на создание новой фундаментальной науки о сознании и открытии принципиально новых психофизических законов. Такую теорию можно оценить скорее как проект теории, чьи положения и тезисы пока намечены лишь пунктирно. Окончательную теорию нередуктивного объяснения сознания еще предстоит создать. Пока же у нас сохраняется некий провал в объяснении и его устранение предстоит в виде некой программы, но не фактической теории. Но несмотря на проективность этот подход твердо держит курс на обнаружение таких решений, которые будут хорошо согласовываться с данными естественных наук и здравостью обыденного смысла. Натуралистический дуализм как будто чужд мистицизму, скептицизму и архаизму. Его хитрость, правда, состоит в том, что на пути согласования с наукой и обыденным смыслом, он не исключает вероятности серьезного пересмотра базовых установок науки и обыденного мышления. Для того чтобы единодушие было достигнуто, фундаментальным представлениям об устройстве Вселенной предстоит измениться. И в этом смысле упрек в незавершенности натуралистическо-

го дуализма можно обыграть в оптимистическом ключе — этот подход дает повод к пересмотру возможно устаревшей картины мира. Его внутренняя противоречивость и открытость подталкивает к тому, чтобы избавиться от привычных догм и стереотипов. Это его намерение сломить привычные представления, впрочем, пока носит лишь прогностический характер. Строго говоря, сейчас мы не знаем, как именно выглядят психофизические законы (кроме самого общего правила естественной супервентности). У нас нет формул психофизических законов, их принцип и логика, в своей содержательной и конкретной редакции нам не известна. Несмотря на отсрочку решений, в отличие от традиционного субстанциального дуализма, который в современной аналитической традиции устойчиво сопровождается ареалом таинственности и мистицизма, натуралистический дуализм надеется дать исчерпывающе ясную и полную картину устройства психофизической реальности. В его установки как будто не закладывается скептической составляющей: «о каких-то, наиболее темных механизмах взаимодействия сознания и тела мы вряд ли когда-либо узнаем». Натуралистический дуализм ориентирован на требующую времени и, возможно, все более и более уточняемую со временем вполне позитивную программу реконструкции природы сознания. В этом смысле теория натуралистического дуализма имеет в виду научный сценарий развития — мы можем чего-то не понимать сегодня, но должны узнать это в будущем. Однако без пересмотра наших представлений о строении мира здесь не обойтись — в последующем научное знание должно будет трансформироваться в направлении включения в себя психофизических законов.

Таким образом, как можно заметить, теория натуралистического дуализма пока разработана в виде общей программы. Ее более конкретные детали еще должны быть уточнены в будущем. Вместе с тем, несмотря на некоторый оптимизм, этим подходом демонстрируемый, фактически мы должны признать, что решение проблемы «сознание-тело», которого мы добиваемся, в этом подходе также не предъявлено. Решение фактически откладывается на потом и во многом связывается с перспективой обнаружения особых психофизических законов⁸. И хотя формаль-

Ed. by J. Shear. Cambridge (Mass.), 9-30; Chalmers, D. (2003). *Consciousness and its Place in Nature*. The Blackwell Guide to *Philosophy of Mind*, edited by Stephen Stich and Fritz Warfield, Blackwell, 44-57; Chalmers, D.J. (1996). *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford: Oxford University Press.

⁸ См.: Гаспарян Д.Э. Позиции дуализма в современных антифизикалистских стратегиях аналитической философии сознания // *Вох. Философский журнал*. 2013. № 15. С. 3–23.

но этот подход не выглядит скептическим, его также трудно предъявить в качестве антифизикалистской теории, имеющей некоторое позитивное ядро. Натуралистический дуализм скорее представляет собой последовательную и убедительную критику известных физикалистских теорий, но он пока не выглядит как законченная теория. Это связано с тем, что пока в нем больше гипотетических, чем утвердительных формулировок.

Учитывая сказанное, можно попытаться понять ту ситуацию, которая сложилась в области современной аналитической философии сознания. Сохраняющуюся популярность физикализма можно объяснить тем, что у антифизикализма пока нет полноценных содержательных противовесов, в виде объяснительных теорий, хотя и имеется серьезная и нередко почти разрушительная для физикализма критика. В связи с этим может возникнуть ощущение, что философы пытаются держаться тех подходов, которые хоть и не безупречны, но дают некоторое позитивное знание, с которым можно либо соглашаться, либо нет. В силу некоторой изначальной непопулярности скептических позиций, указание на нерешаемость проблемы «сознание-тело» выглядит для исследователей слишком большим разочарованием, чтобы

этот подход мог претендовать на массовое признание. Вместе с тем, скептические позиции, в общем и целом укорененные в трансценденталистские модели объяснения сознания все же сказали свое веское слово — проблема «сознание-тело» относится к тому типу философских парадоксов, в отношении которых максимум эпистемической результативности будет связан с прояснением условий возникновения самой проблемы. И, несмотря на то, что антифизикализм представлен далеко не только одними скептическими теориями, в целом антифизикалистские программы можно охарактеризовать как в основном критические. Основной акцент в них сделан на критике существующих физикалистских теорий и указание на проблематичность, зачастую радикальную, решения проблемы «сознания-тела». Таким образом, несмотря на то, что антифизикализм предъявляет сегодня физикализму очень серьезную критику, позиции последнего еще достаточно сильны. Изменится ли эта ситуация, напрямую зависит от того, насколько убедительной окажется *позитивная программа* антифизикалистов. Это позволит привести участников спора в ту позицию, в которой они смогут выбирать (и как может оказаться), из двух зол наименьшее.

Список литературы:

1. Гаспарян Д.Э. Позиции дуализма в современных антифизикалистских стратегиях аналитической философии сознания // Vox. Философский журнал. 2013. № 15. С. 3–23.
2. Гаспарян Д.Э. Психофизическая проблема как раздел современной философии сознания // Молодой ученый. 2009. № 12. С. 199–205.
3. Chalmers, D. (1997). Facing up to the Problem of Consciousness//Explaining Consciousness The «Hard Problem». Ed. by J. Shear. Cambridge (Mass.), 9–30.
4. Chalmers, D. (2003). Consciousness and its Place in Nature. The Blackwell Guide to Philosophy of Mind, edited by Stephen Stich and Fritz Warfield, Blackwell, 44–57.
5. Chalmers, D. (1996). The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford: Oxford University Press.
6. Chomsky, N. (1975). Reflections on Language, N.Y.: Pantheon.
7. Chomsky, N. (2000). New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge, 2000.
8. Levine, J. (1983). 'Materialism and qualia: The explanatory gap', Pacific Philosophical Quarterly, 64, 354–361.
9. McGinn, C. (1989). Can We Solve the Mind--Body Problem? Mind, New Series, Volume 98, Issue 391, 349–366.
10. McGinn C. (1999). Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World. N.Y.
11. Rosenthal, D. (2002). 'Explaining Consciousness', in D. Chalmers (ed.), Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings (Oxford: Oxford University Press), 406–421.

References (transliteration):

1. Gasparyan D.E. Pozitsii dualizma v sovremennykh antifizikalistskikh strategiyakh analiticheskoi filosofii soznaniya // Vox. Filosofskii zhurnal. 2013. № 15. S. 3–23.
2. Gasparyan D.E. Psikhofizicheskaya problema kak razdel sovremennoi filosofii soznaniya // Molodoi uchenyi. 2009. № 12. S. 199–205.
3. Chalmers, D. (1997). Facing up to the Problem of Consciousness//Explaining Consciousness The «Hard Problem». Ed. by J. Shear. Cambridge (Mass.), 9–30.

4. Chalmers, D. (2003). Consciousness and its Place in Nature. The Blackwell Guide to Philosophy of Mind, edited by Stephen Stich and Fritz Warfield, Blackwell, 44–57.
5. Chalmers, D. (1996). The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford: Oxford University Press.
6. Chomsky, N. (1975). Reflections on Language, N.Y.: Pantheon.
7. Chomsky, N. (2000). New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge, 2000.
8. Levine, J. (1983). 'Materialism and qualia: The explanatory gap', Pacific Philosophical Quarterly, 64, 354–361.
9. McGinn, C. (1989). Can We Solve the Mind--Body Problem? Mind, New Series, Volume 98, Issue 391, 349–366.
10. McGinn C. (1999). Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World. N.Y.
11. Rosenthal, D. (2002). 'Explaining Consciousness', in D. Chalmers (ed.), Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings (Oxford: Oxford University Press), 406–421.